

«Бильярд в половине десятого», где в разные моменты сюжета прошлое и настоящее раскрывается с позиций разных положительных героев — Леоноры, Генриха Фемеля, его жены, Роберта, Иозефа, Марианны и т. д., тогда как все отрицательные персонажи даны «извне»; аналогичным способом реализован полицентризм в романе Г. Грина «Англия меня сделала»).

Семантика этого приема аналогична введению нескольких повествователей в произведениях Иф. («Опасные связи», «Герой нашего времени», «Лунный камень») — сохраняется достоверность, снимаются ограничения в отношении полноты изображаемых событий, обнажается и преодолевается субъективность каждого из «маркированных» персонажей, но при этом сохраняются общие отмеченные нами отличия подгруппы 2п. от Иф.

Повествование в произведениях подгруппы 2п. существенно отличается от повествования с сильно развитой диффузией, хотя внешнее сходство здесь очевидно, так как при диффузии авторская точка зрения окончательно никогда не совмещается с точкой зрения персонажа, а часто и вообще противопоставлена в оценочно-идеологическом плане позиции персонажа.

* * *

Итак, к рассмотренным нами двум повествовательным формам (Иф. и IIIф.) как способам выражения пространственно-временных и оценочно-идеологических позиций автора в принципе сводимы все прозаические художественные тексты. Правда, существуют произведения, в которых совмещены позиции автора-творца (IIIф.) и автора-участника событий, так что невозможно однозначно определить, к какой повествовательной форме следует отнести данное произведение¹². Примером такой амбивалентной позиции автора являются «Гаргантюа и Пантагрюэль» и «Братья Карамазовы». В этих произведениях Рабле и Достоевский свободно сочетают две взаимоисключающие позиции — всезнающего автора (большая часть обоих произведений) и участника описываемых событий: у Рабле автор, постоянно называющий себя «сочинителем», в то же время оказывается участником путешествия к оракулу Божественной Бутылки; у Достоевского рассказчик оказывается одним из слушателей судебного заседания, так что сцена суда ограничена кругозором этого наблюдателя, тогда как в остальной части книги он обнаруживает всеведение, возможное только для автора-творца в IIIф. Однако подобного рода произведения, для которых выделение специфических функций двух форм повествования теряет смысл, ибо сама форма повествования в этих произведениях оказывается амбивалентной, имеющей множество взаимоисключающих значений, встречается очень редко, а потому предлагаемое нами описание повествовательных форм и их семантических функций сохраняет свое значение.

¹² Здесь мы не имеем в виду такие произведения, где четко разграничено по эпизодам использование форм повествования (Иф. и IIIф.), как, например, «Житейские воззрения Кота Мурра...», «Холодный дом», «Шум и ярость».